

ПАРАДОКСЫ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭТИКИ

Н. А. Скоробogaцкая

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. Каковы причины, приводящие к смене одной системы морали на другую? Существует правило, согласно которому внешние воздействия на объект преломляются в соответствии с его внутренней природой и действуют опосредствованно и избирательно, в зависимости от выбора со стороны объекта, который «откликается» на одни воздействия и блокирует другие. Таковы установки, в рамках которых мы рассматриваем эволюцию гуманизма как мировоззрения, которое, во-первых, максимально нагружено этически, а во-вторых, содержит в качестве структурно-смыслового «ядра» концепт человека, сформированный в эпоху Возрождения. Концепт человека образует внутреннее основание этического, под влиянием системного фактора — воли-к-власти — переживающего парадоксальные превращения.

Ключевые слова: гуманизм как мировоззрение, концепт человека как основание этического, элитарная этика гуманизма, воля-к-власти, нигилизм и этика зла

PARADOXES OF HUMANISTIC FOUNDATIONS OF ETHICS

Natalia Skorobogatskaya

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. What are the reasons leading to a shift of the one moral system to another? There is the rule that external influences on the object refracts according its inner nature and acts indirectly and selectively, depending on choice by the object, which “responds” to one influence and blocks others. Within these settings we view the evolution of humanism as a mindset, which firstly is maximum ethically burdened, and secondly contains Renaissance concept of a person as a structural and meaningful body. Concept of a person forms

the inner base of ethical under the influence of the system factor — will-to-power — experiencing paradoxical transformations.

Key words: humanism as a mindset, concept of a person as base of ethical, elitist ethics of humanism, will-to-power, nihilism and ethics of evil.

Вопрос об основаниях этического приобретает актуальность в условиях социальной трансформации, которую переживает общество под воздействием технологических, политических или экономических факторов. Составной частью трансформации является смена типа мировоззрения, протекающая в форме борьбы старого и становящегося нового. Но смена типа мировоззрения — это одновременно и смена культурно-антропологического типа, человека как носителя того или иного вида мировоззрения, затрагивающая основы его духовной идентичности, осознания им своего места в мире.

Гуманизм, понимаемый как мировоззрение, это антропоцентрическая концепция, в рамках которой человеку отводится две роли, два образа. Во-первых, это структурный центр мироздания, вокруг которого мироздание строится и «обращается», та точка, которую окружают близкие и далекие пространства — собственно «мир», предстающий перед человеком как его, мира, «картина». Во-вторых, это смысловой центр, который задает перспективу и направление мирового процесса; это ценностно окрашенный образ — образец, телеологически притягивающий к себе реальность и вместе с тем возвышающий ее, поднимающий к идеалу. Взятый в его первом значении, человек есть некоторое сущее, а во втором — должное. В данном отношении этическое как вопрос о соотношении должного и сущего является структурно-смысловым стержнем концепции гуманизма, а «человек», как концепт, фиксирующий меру динамического соотношения (единства) должного и сущего, выступает основанием этического. Соответственно можно сказать, что гуманизм, в той мере, в какой он антропоцентричен, одновременно несет в себе и этическое начало.

Гуманизм как мировоззрение прошел долгую и сложную эволюцию с тех пор, как впервые был провозглашен Дж. Пико делла Мирандолой в его «Речи о достоинстве человека». Достоинство человека он усматривал не в том, что Творец создал его существом

без определенного образа и наделил способностью принять по своему усмотрению любой облик и занять место в центре мироздания. Во всем этом нет еще никакой заслуги человека, но только воля или каприз Творца. Заключается же эта заслуга, с его точки зрения, в том, что человек посредством свободного мышления, или философии, устраняет внутренние (логические) разногласия ума, споры мнений о природе вещей и находит пути, ведущие к миру и гармонии, внутренней и внешней [2].

Подчеркнуто элитарный характер концепции гуманизма в его первоначальной форме способствовал тому, что в его содержании превалировало этическое начало, причем в достаточно жесткой нормативной форме, с ощутимым перевесом должного над сущим. Но в трактате «Государь» Н. Макиавелли, используя диалектику «свободного мышления», конструирует образ «самосотворенного злодея», менее всего, казалось бы, отвечающий принципам нормативной этики. Этот образ с необходимостью принимает человек-государь, подчиняясь императиву социальной стихии-власти [3, с. 14]. Именно власть оказывается определяющим фактором в динамике сущего и должного, в осмыслении свободы и ее границ, в оформлении этического в том или ином историко-культурном контексте. Под воздействием данного фактора нормативная (с точки зрения ее идеального замысла) этика гуманизма в ее практическом, позитивном осуществлении предстает как учение, в котором принципы уступают место правилам-рекомендациям, следуя которым реальный человек (сущее) добивается цели более существенной, чем отвлеченное добро: укрепления порядка как основы благополучия Города — народа и знати. Но только человек этот — существо исключительное, это Государь, возлагающий на себя трагическую миссию преступления во имя блага-для-всех. Так преступление во имя высокой цели становится этическим правилом, получает моральную легитимацию. Пушкинский Годунов принципиально отличается от макиавеллиевского Государя тем, что он совершает детоубийство во имя отцовской корысти — утвердить на царстве свое потомство.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что основание этического не является чем-то автономным и действующим согласно

внутренней логике, что его действие опосредствуется влиянием системного фактора, обуславливающего как историческую эволюцию социальной системы, так и внутреннюю динамику самого основания — двойственного образа «человека», взятого в соотношении сущего и должного. В эпоху Возрождения таким фактором стала власть. Без осознания той роли, которую феномен власти («воля-к-власти») в виде господства субъекта сыграл в становлении философии Нового времени и его культуры, нельзя понять ни своеобразия новой свободы с ее предельно широким диапазоном форм от позитивной («дневной») до негативной («ночной»), ни существа новоевропейской истории как стремления человека к «безусловному господству над всей Землей» [5, с. 118–120].

Действительное развитие и выявление этического потенциала концепции гуманизма переживает кульминацию во второй половине XVIII — в первой трети XIX в., по мере становления и развертывания новоевропейской культуры — процесса, представленного совокупностью составляющих — социальных (выход на первые роли третьего сословия — массовидного человеческого субстрата гражданского общества), экономических (промышленная революция и индустриализация), политических (революции — французская и североамериканская), культурных (городская массовая культура и появление образованного класса, «публики»). С точки зрения М. Фуко, это время выхода на свет нового концепта «человека» и одновременно порог «нашей современности» [4, с. 36]. Стык XVIII и XIX вв. — время нового политического и культурного порядка (устройства власти), того порядка, который, помимо всего прочего, определяет способ, каким мыслит человек современности, способ, каким вещи распределяются и представляются его сознанию в особом эпистемологическом поле — поле знания [Там же, с. 34–35].

Появление новой формы гуманизма как мировоззрения образованных городских масс, идущее параллельно с распространением романтизма в литературе, искусстве и философии, характеризуется коррекцией его этического содержания, когда должному возвращается его ведущее значение, когда исчезает глубокое расхождение между элитарной этикой властвующих и религиозными принципами этики, которые, как говорил Вольтер, должны играть роль духовной узды

для невежественной народной массы, «молчаливого большинства». Но все это — только на первый взгляд. На самом же деле обмирщение гуманизма и широкое распространение в массах нормативной этики, по-прежнему опирающейся в своих корнях на авторитет Священного Писания, хотя и пошатнувшийся, согласно Хайдеггеру, на заре Нового времени, означало только то, что элитарная этика гуманизма сменила своего носителя и перекочевала в иные социокультурные пространства.

Эти пространства — теневые миры нигилизма, в которых обитают противники утвердившегося порядка вещей, политического и культурного устройства новоевропейской власти. Это люди разного масштаба и рода занятий — политики, революционеры, писатели и художники, социальные переустройщики, лица с криминальными наклонностями, врожденными или приобретенными. Часто это неудачники, непризнанные гении, мечтающие о реванше, об отмщении. Кому? Судьбе, государству, академическому канону, научной парадигме, кому угодно. Каждый в своей области, они открыто проповедовали необходимость использования любых, в том числе и крайних, преступных, методов и средств с целью радикального освобождения мира. Говоря шире, это новые макиавеллисты, они значительно — в сравнении с тем, что считал допустимым в политике автор «Государя», — расширили сферы и диапазон дозволенного. Так с течением времени элитарная этика гуманизма трансформируется в этику зла, которая в одной из своих версий, в нацизме, легитимировала и сделала государственным принципом «убийство, ставшее добродетелью, священным долгом, работой нелегкой и самоотверженной, делом чести и доблести» [1, с. 30]. По этому же пути пошли русские революционеры-террористы, народовольцы и эсеры.

Этика зла — популистская версия элитарной этики гуманизма, востребованная в эпоху «восстания масс». В ней отчетливо проступает принципиальный недостаток базовой модели — зависимость антропоморфного основания этики от системного фактора — воли-к-власти. Более того, в рамках тоталитарных и подобных ему режимов правления, с характерным для них культом вождя, деформация и оборачивание структуры этического, когда наиболее эффективным

средством достижения благих целей признается насилие в различных его модификациях, достигает максимального выражения.

Моральное оправдание насилия и государственных преступлений с помощью этики зла — одно из важнейших условий существования таких режимов. Именно поэтому необходимо переосмысление вопроса об основаниях этического в современном российском обществе, совершающем переход от авторитаризма к демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лем С. Провокация* // Лем С. Провокация. Всемирная библиотека XXI века. Записки всемогущего. М. : АСТ : Астрель, 2010. С. 5–104.
2. *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М. : Искусство, 1981. Т. 1. С. 248–265.
3. *Скоробогатая Н. А., Скоробогаткий В. В.* Человек политический в эпоху Современности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 5–21.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад, 1994.
5. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 63–176.